

Андрей Зайцев

Эксперимент

*Фантастический
роман*

Волгоград
2018

Зайцев, А.

Эксперимент [Текст]: фантастический роман / А. Зайцев. — Волгоград: Издатель, 2018. — 264 с.
ISBN 978-5-9233-

ISBN 978-5-9233-

© ГБУК «Издатель», 2018
© Зайцев А., 2018

**Часть
первая**

Этот человек был достаточно пунктуален. Хенесс посмотрел на часы. Без одной минуты семь. Сейчас он должен выйти из дома. Двери подъезда открылись. На улицу вышел среднего роста мужчина лет тридцати с небольшим в строгом темном костюме. Сейчас он перейдет дорогу, направляясь к ближайшей станции метро. Отсюда до нее около километра. У мужчины был автомобиль «вольво» бежевого цвета, но он никогда не ездил на работу на машине. Почему? Возможно, ему хотелось по утрам пройти пешком. Возможно, он не любил пробки. Они вносили бы определенную дисгармонию в его отлаженный распорядок. Так или иначе, этот человек, сам того не подозревая, давал возможность Хенессу наблюдать за ним в толпе. Несколько раз он провожал его на работу. Естественно, они садились в разные вагоны метро. Хенесс никогда не спешил выйти первым. Он знал, что человек, за которым он наблюдал, не любит давки и суеты. У него всегда оставалось время. Пятнадцать минут до станции метро. Пятнадцать минут езды. И снова пятнадцать минут ходьбы. Без четверти восемь он входил в огромное здание, стоявшее несколько в стороне от остальных домов. Хенесс знал, что вновь увидит мужчину в половине шестого, если... Что если?

Они вместе дошли до станции и спустились вниз. Поезд только что отошел. Через три минуты будет следующий.

Хенесс остановился метрах в десяти от мужчины, ненавязчиво разглядывая его. Красивый брюнет, всегда тщательно выбритый и аккуратный во всем, начиная с одежды и кончая прической. Подозревал ли он о том, что в его жизни появился кто-то, следящий почти за каждым его шагом и отсчитывающий часы до одного-единственного мгновения... Почему утро не подходило? Тот же самый маршрут будет и вечером. Хенесс не смог бы определенно сказать, почему. Это из области интуиции. Наверное, все дело в том, что утром люди более собранны и внимательны к мелочам. Любая, самая незначительная на первый взгляд ситуация гораздо четче откладывается в памяти. Утром каждый заполняет собой пустоту, возникшую после ночного декаданса.

Подошел поезд. Они сели, как обычно, в разные вагоны. Хенесс окинул взглядом соседей. Это становилось привычкой. Надолго ли? Толстый мужчина развернул газету, уткнувшись ему в плечо. Хенесс скосил глаза вправо. Крупные заголовки проблемных статей, информация, реклама... Толстяк перевернул газету. В самом низу — колонка криминальной хроники... Вчера, в восемь часов вечера, с моста напротив Дома искусств бросился в канал абсолютно голый мужчина. Свидетели утверждают, что в таком виде он прошел по набережной. Тело самоубийцы выловлено. Установление его личности вызывает у полиции затруднение. Проба крови на алкоголь оказалась отрицательной. Версия о том, что он сбегал из психиатрической клиники, не подтвердилась...

Они вышли из метро. Брюнет остановился у табачного киоска, купил пачку сигарет и сразу же закурил. Хенесс подошел к нему с незажженной сигаретой. Их взгляды встретились. Прикурив, Хенесс поблагодарил его кивком и некоторое время смотрел ему в спину. Сегодня он не будет провожать его дальше. Подождет до вечера. Сколько у них еще оставалось времени? Хенесс усмехнулся. У них. Это слово обладало завораживающей глубиной. Сейчас они представляли нераз-

рывное целое, единую оболочку, разрушить которую может только смерть. Пару минут назад он нарушил одно из незыблемых правил игры. Дал возможность этому человеку прямо взглянуть в свои глаза. Почему он это сделал? Трудно сказать. Это было искушение, соблазн, может быть, что-то еще.

Он не знал точно. За семь лет у него не раз возникало подобное желание, и вот только сейчас он позволил себе это...

Без четверти шесть Хенесс бесстрастно наблюдал за тем, как брюнет вошел в подъезд дома, в котором жил. Спустя несколько минут Хенесс увидел молодую красивую женщину, вышедшую из такси. Она вошла в этот же подъезд. Это была его любовница. Пару раз Хенесс видел их вместе на улице. Странно, ему вдруг стало казаться, что она тоже входит в их целое. По сути, это так и было. Если она любит брюнета, его смерть вызовет в ней боль, но... как бы это сказать? Хенесс чувствовал, что не совсем равнодушен к ней. И это было плохо, очень плохо. У человека, которого он застрелил два года назад в городском парке, тоже была любовница. Чувственная, латиноамериканского типа. Она наверняка вызывала желание в любом мужчине, который видел ее. Хенесс вспомнил, что в тот вечер, когда он уходил по парку с места убийства, он услышал визг собаки. Это вызвало в нем нервную дрожь. По странной ассоциации он представил себе эту женщину. Как если бы это она визжала над трупом любовника.

Хенесс закурил. Не было смысла больше находиться здесь. Он вышел из-под арки старого дома и медленно пошел по улице. Оборванный нищий, как зачарованный, смотрел на его сигарету. Хенесс вынул пачку и отдал ему. При этом он почти инстинктивно постарался, чтобы его не коснулись пальцы нищего.

Он вернулся в свою квартиру, которую снял неделю назад по объявлению в газете. Она находилась на седьмом этаже шестнадцатизэтажного дома. Раздевшись, он принял ванну,

потом заварил себе кофе. Была одна вещь, немного смущавшая его. Человек, за которым он наблюдал вот уже несколько дней и которого должен был убить, практически не имел ни с кем контактов, кроме любовницы. Хенесс отдавал себе отчет, что в принципе это ни о чем не говорило, и все же... Трудно было сказать, что именно его здесь не устраивало. В конце концов, это не должно его касаться. Человек имел свою личную жизнь, свои странности, которые, может быть, и делали его тем самым человеком. К тому же это была область, вступать в которую обычно не рекомендовалось. Это была слишком тонкая материя, над причудливостью форм которой рассуждали другие. И все же, и все же. Пожалуй, дело было в том, что Хенесс слишком хорошо успел узнать некоторых людей, которые занимались тем же, что и брюнет. Они вели несколько иную жизнь, чем этот человек. Они были контактны, общительны, у них было много знакомых в разных слоях общества. Они не стремились к упорядоченности своей жизни, возможно, это происходило потому, что внутри каждого из них сидел зародыш разрушения. Хенесс считал, что уже определил для себя этот тип людей, даже не столь двойственных, как это было принято думать. Выходит, это не совсем так? Завтра он должен позвонить. ОНИ ждут его сообщения. Но, возможно, это произойдет не завтра. Когда же? По опыту он знал: чем скорее, тем лучше. Всегда существовала вероятность того, что к человеку может возникнуть внезапная симпатия. Это приходит ниоткуда. Но если это произойдет, считай, ты сошел с дистанции. Это можно назвать недостатком профессионализма. Второе правило игры заключалось в том, чтобы случайно не заговорить с этим человеком. Лучше всего не слышать его голоса. Глаза и голос — как раз то, что дольше всего сохраняется где-то внутри тебя.

Семь лет назад Хенесс держал постоянно с собой несколько фотографий. Там были сняты последствия чудовищного взрыва в супермаркете... исковерканные тела людей

среди рождественских подарков... Последний раз он просматривал их за час до того, как нажал спусковой крючок. Человек, которого он застрелил первым, вошел в кабину привокзального туалета... Газеты написали, что его убил кто-то из своих. Потом последовала цепная реакция убийств. В нескольких случаях ответственность за это брали на себя представители некоторых террористических группировок. Но Хенесс знал, что это было далеко не так.

Он налил себе еще одну чашку кофе. Чем официально занимался брюнет? Это огромное здание в форме тетраэдра, окруженное парковой зоной, было, кажется, чем-то вроде исследовательского центра. Брюнет работал там. Кем? Хенесс не мог объяснить, почему это его интересует. Все эти вопросы о месте и характере работы были излишни, не имели никакого смысла, в какой-то степени даже мешали. Это была условность, о которой следовало забыть. Но ему хотелось это знать. Впервые он как-то отчетливо осознал, что его раздражает эта неизвестность, являющаяся частью его работы, эта запрограммированность действий, некий механизм, который приводится в движение где-то по ту сторону доступной ему истины. Думать о себе всего лишь как о машине для убийств? Находить оправдание в необходимости? Хенесс поставил пустую чашку на столик. Возможно, ему не следовало нарушать первое правило. Возможно, он слишком затянул со всем этим, возможно... Он усмехнулся. Так или иначе ему придется узнать поближе жизнь этого человека. Конечно, тем самым он невольно нарушает заведенный ход тайного механизма, но теперь уже ничего нельзя было поделать. Сомнение, как ржавчина, проникшая внутрь, пожирает собранность и осторожность.

В половине десятого утра Хенесс вошел в его квартиру. И увидел там то, что прежде всего ожидал увидеть. Порядок.

Брюнет был маньяком чистоты. Хенесс начал осматривать все тщательным образом. Хотел ли он найти какие-

нибудь доказательства того, что брюнет был именно тем человеком? Пожалуй, нет. Вряд ли бы он стал хранить дома предметы, прямо указывающие на него. Тогда что? Это должно быть такая маленькая вещица. Своего рода талисман. Символ разрушения. Что-то зашифрованное и на первый взгляд бессмысленное. Осколок иного бытия. Хенесс был очень внимателен к таким мелочам. И здесь не могло быть ошибки. Он чувствовал, что брюнет чем-то похож на него. Может быть, стремлением к уединению, которое становилось сутью жизни? Ему самому становилось все труднее поверить, что когда-то он жил по-другому.

Хенесс пробежал взглядом корешки книг в книжном шкафу. Большинство составляли различные труды по анатомии, психологии, биохимии, физиологии, специальные медицинские сборники. Из знакомых по университету книг Хенесс отметил только «Историю упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона. Вне всякого сомнения, брюнет был человеком науки, но это отнюдь не означало, что он не вел двойную жизнь.

Хенесс попытался вспомнить, кем работал тот, первый, с узкой бородкой и маленькими пронзительными глазками. Кажется, он занимался коммерцией. А этот желтокожий убийца детей? Он был фармацевтом. Тот, кучерявый, смуглолицый, был всего лишь посыльным. Он видел Хенесса выходящим из подъезда и был застрелен двумя выстрелами в упор. Как потом выяснилось, кучерявый, кроме того, занимался распространением наркотиков. Очень долго Хенесса мучил один вопрос: выстрелил бы он в кучерявого, если бы не видел того на фотографии вместе с фармацевтом, которого он убил за пять минут до этого? В тот момент он среагировал мгновенно. Это становилось условным рефлексом. Кучерявый был одним из тех людей. Кроме того, он видел Хенесса. Это была необходимая мера. Но если бы там был другой человек?..

Он взял одну из книг, раскрыл, пролистал несколько страниц. Фронтальный разрез черепа, сагиттальный разрез, лобно-теменной шов... Сухие, бесстрастные анатомические термины: *fasies temporalis*, *fossa submandibullaris*...

Веками люди пытались проникнуть в собственную сущность. Но, разложенная на составные, выверенная как на аптекарских весах, природа человека не стала ближе и понятней. Она как бы приняла иную форму, абсурдную и ускользающую. Любые попытки прикрыть ее голой невразумительной истиной выглядели нелепо.

Хенесс взял еще одну книгу. Только раскрыл — и на ковер упали несколько фотографий. Он подобрал их. На одной увидел бронега в компании мужчин. Они были одеты в белые халаты. Еще несколько групповых фото. А вот на этой бронега было лет семнадцать. Рядом с ним девочка лет двенадцати. Что-то знакомое в глазах. Он где-то видел ее? Вряд ли такое может быть. Он внимательнее взгляделся в черты ее лица. Они, безусловно, слегка повторяли черты лица бронега. Скорей всего это его сестра. Поэтому она и показалась знакомой. Он хотел поставить книгу на место. В сознании прокрутился вчерашний вечер. Женщина, входящая в подъезд этого дома. Его любовница. Она? Хенесс еще раз посмотрел на фотографию, мысленно расправив девочке волосы. Если еще убрать присущую этому возрасту угловатость... Это она. Он был уверен в этом. Но тогда... она не может быть его любовницей? Хенесс почувствовал волнение. Нужно как можно скорей уйти отсюда. Он захлопнул за собой дверь, прислушался. Лифт был где-то наверху. Он быстро спустился по лестнице и вышел на улицу. Пройдя сотню метров, подошел к телефону-автомату. Снял трубку, опустил жетон, набрал номер. Его звонка ждали. Но пока он не мог сообщить ИМ, что все закончено.

Через пять минут он вошел в кафе на углу огромного небоскреба. Наверное, у него есть еще два-три дня. Потом ОНИ начнут беспокоиться. Официант принял у него заказ. Хенесс

задумчиво смотрел через широкое окно на улицу. Он до сих пор не решил, что ему следует делать. На том конце провода поинтересовались, как обстоят дела. Он дал понять, что развязка близка. На самом же деле он не был в этом уверен. Он чувствовал себя не готовым. Что будет, если он откажется? Такого прежде не случалось. Он не имел никакого понятия, как к этому отнесутся.

Официант поставил перед ним на стол тарелки с едой, бутылку вина. Пожалуй, одну вещь Хенесс знал наверняка. Он хотел получить подтверждение. Он хотел знать точно: был ли бронега тем человеком. Впервые на семь лет он начал сомневаться. Конечно, у него не было никаких конкретных причин, и тем не менее. Может быть, это от нервов? Никогда раньше он не задумывался над этим. Но что-то надо предпринимать. Он понимал, что не получит никакого подтверждения, это просто невозможно будет сделать. Хенесс находился на том уровне, где само положение не предполагало подобных случаев. Все очень просто. Вопросы такого рода — это табу. Даже больше. Эту тему, в сущности, нельзя было даже назвать запретной. Ее просто не было. И все же он имел дело с фактами. Но нет такого человека, который без согласования с НИМИ выдал бы ему нужную информацию. Фотографии с последствиями взрыва в супермаркете, хранившиеся у него семь лет назад, были необходимы ему как ключ, с помощью которого он открыл замок. Это было понятно всем, кто заинтересован в этом кроме него. В принципе, такие ключи давались каждому, кто учился ходить. Теперь для него это время прошло. Его уровень предполагал высокую организацию и профессионализм. Было и кое-что еще. Он отдавал себе отчет в том, что, один раз засомневшись, он, по существу, вынужден будет признать, что ОНИ могли ошибаться. Но это-то как раз и было самым невозможным. Во всем этом строгом, отлаженном механизме не могло найтись места даже для маленькой неточности, поскольку речь шла о человеческой жизни.

Служащий банка Родс, маленький человек с внешностью, напоминавшей облик одного из великих комиков прошлого века, по вечерам обычно прогуливался в парке со своей собакой породы доберман-пинчер. Вся прогулка продолжалась примерно час. Полчаса от его дома до парковых аттракционов и назад. Этот вечер был похож на предыдущие. Родс дошел до аттракционов, чуть задержался, прислушавшись к какому-то невнятному шуму, доносившемуся из-за деревьев, и уже собирался идти домой. Внезапно его собака натянула поводок и буквально потащила Родса в сторону площадок для развлечений. Он попытался придержать ее, решив, что она бросилась за кошкой. В собаку точно бес вселился. Родс крикнул на нее и в следующую секунду почувствовал, что падает, зацепившись ногой за корягу. Собака вырвалась и исчезла в кустах. Он услышал ее лай, перешедший в судорожные всхлипывания, потом все стихло. Поднявшись, Родс прошел вперед. Выйдя из-за деревьев, он оказался перед чертовым колесом. В первые мгновения Родс ничего особенного не заметил, озабоченный поисками собаки. Затем, как от внезапного толчка, замер. Чертовое колесо крутилось. Это было довольно странно, поскольку уже стемнело, а аттракционы закрылись часа два назад. Он осмотрелся, надеясь увидеть кого-нибудь из служащих. Вокруг не было ни души. Он позвал собаку. Ее тоже не было видно. Родс еще раз взглянул на крутящееся колесо и тут только заметил, что в одной из кабинок сидит человек.

Чертовое колесо было огромным, и поэтому невозможно было все сразу разглядеть. Кабинка с человеком только начала спускаться с высоты. Родс, раздраженный пропажей собаки, решил подождать этого любителя ночных развлечений. Он зашел за ограду, по-прежнему глядявываясь вокруг. Собака не могла так просто потеряться. Должна вернуться, думал Родс. Кабинка с человеком почти поравнялась с землей.

— Послушайте... — сказал Родс, подойдя ближе и чувствуя, что язык прилипает к нёбу.

Человек сидел, откинувшись назад. При свете фонарей Родс увидел, что глаза его закрыты и лицо напоминает карнавальную маску, вроде тех, что он недавно видел по телевизору. Показывали какую-то театральную постановку. Люди в странных одеждах и масках бродили по сцене. Один из них, в самой ужасной маске, время от времени появлялся как будто из-под земли и утробным голосом обрекал кого-нибудь на смерть, несчастье, сумасшествие. Все это Родс припомнил в какую-то долю секунды, глядя на незнакомца. Он понял, что тот мертв. Во всем этом было что-то неестественное, совсем как в той театральной постановке.

Кабинка с мертвецом опять устремилась в небо. Родс оглянулся, внезапно почувствовав, что за ним наблюдает кто-то, невидимый ему. Он сделал несколько шагов, выйдя за ограду. Вот сейчас из ничего возникнет человек в маске... В эти минуты Родс казался сам себе механической куклой. Мозг был почти парализован. Сознание пульсировало фрагментами. Мерещилось, что человек в кабинке что-то кричал и размахивал руками. В его гримасах было что-то знакомое. Родс почувствовал себя очень маленьким, идущим по краю глобуса. Один неверный шаг — и он сорвется в бездну. Рядом с собой он увидел телефон-автомат. Родс сделал усилие и снял трубку, Номер... какой номер? Пальцы уже набирали комбинацию. «Алло? Алло? Полиция?» Он услышал какое-то бормотанье, потом лай собаки, лай собственной собаки... Он бы узнал его из тысячи...

Родс не помнил, как добрался домой. Жена потом сказала ему, что он все время повторял: «Глобус, глобус...» Она спросила: «Какой глобус?» Он посмотрел на нее как на маленькую глупую девочку: «Глобус, который стоит в школе, разве ты не понимаешь?»

+ 1 строка

Полиция отыскала его на второй день по заявлению жены. Она прочитала в газете, что в районе парковых аттракционов были обнаружены труп мужчины и труп собаки породы доберман-пинчер. Нетрудно было догадаться, что это их пропавшая собака.

Баррэт был тем следователем, которому поручили расследование убийства на территории парковых аттракционов. Убитый пока не был опознан. Появление неожиданного свидетеля оказалось весьма кстати. Все произошло случайно. В управление позвонила неизвестная женщина и сообщила, что ее муж, вероятно, что-то знает об этом убийстве. Потом назвала себя и свой адрес. Ее попросили приехать. В любой части света на женщину, готовую выдать своего мужа полиции, смотрят с некоторым подозрением. Тем не менее она была внимательно выслушана. Затем в управление доставили Родса. Когда он вошел в кабинет, Баррэт сразу подумал, что он кого-то напоминает ему. В его глазах Баррэт уловил беспокойство, но это было скорее беспокойство человека, который не понимает, чего от него хотят. Минут десять ушло на то, чтобы Родс наконец уяснил: вряд ли ему удастся отмолчаться. То обстоятельство, что о нем сообщила его жена, видимо, задело его и тем самым выдало.

— Послушайте, Родс, в вашем положении глупо отрицать, что двадцать первого, около девяти часов вечера вы находились недалеко от парковых аттракционов. Ваша жена сказала, что вы прогуливались с восьми до девяти. Ваш обычный маршрут — это полчаса до аттракционов и обратно.

Баррэт посмотрел на него, ожидая согласия.

— Да, — выдавил из себя Родс.

— Куда делась ваша собака?

— Этого я не знаю.

— Ее нашли мертвой на площадке перед каруселью. Доберман-пинчер. Это ведь она?

Баррэт задавал вопросы тоном, не допускавшим, что могло быть как-то иначе. Родс чувствовал, что его загнали в тупик.

— Не знаю, — сказал он, пытаясь собраться с мыслями.

— Но у вас именно в тот вечер пропала собака породы доберман-пинчер, так ведь?

— Да, — ответил Родс.

— Как это произошло?

— Она вырвалась и убежала. Я так и не смог найти ее.

— До этого она когда-нибудь убегала?

— Нет.

— Мы знаем, что у вас была умная собака.

Родс взглянул на следователя. Ему показалось, что тот издевается над ним.

— Может быть, вы чего-то боитесь? — предположил Баррэт.

— Нет.

— Мне показалось, что боитесь. Давайте условимся с вами так. У нас есть факты, которые не очень к вам благоприятны. Понимаете, дело об убийстве...

— Но я никого не убивал!

— Да-да, — кивнул Баррэт, посмотрев куда-то вверх. — Этого никто и не утверждает. Но есть несколько неоспоримых вещей. Первое. В половине девятого вечера двадцать первого числа этого месяца вы находились недалеко от парковых аттракционов. Второе. Утром двадцать второго на территории аттракционов был обнаружен труп мужчины. Экспертиза установила, что он был убит и смерть его наступила именно в промежутке от восьми до девяти вечера двадцать первого. И наконец, третье. Ваша собака лежала недалеко от него. Странно, не правда ли? Ваша жена сказала, что вы вернулись примерно в девять, ничего не смогли объяснить о пропаже собаки, бормотали о каких-то глобусах. Я достаточно ясно выражаюсь?

Жена Родса также пояснила, что ее муж практически не пьет спиртного и в тот вечер от него не пахло. Вообще она никогда раньше не видела его в таком состоянии. У нее даже мелькнула мысль, что он сошел с ума.

Родс чувствовал себя жертвой какой-то бессмыслицы. Но для него стало совершенно ясно, что, если он не попытается что-то объяснить, его могут арестовать.

— Да, — сказал он. — Я был там. И видел его.

— Кого?

— Полагаю, того человека, которого нашли утром. Он был уже мертв. — Родс помедлил, вспоминая самый жуткий вечер в своей жизни. — Это была обычная прогулка. Когда я дошел до того места аллеи, где дорожка поворачивает к аттракционам, Принц вырвался и убежал. Это действительно так и было. Я пошел за ним. На аттракционах было пусто. Собственно, я и не ожидал кого-то увидеть в это время. Но чертово колесо крутилось.

— Чертово колесо?

— Да. Он сидел там.

— Кто?

— Этот человек.

— Значит, он был еще жив?

— Нет.

Во время возникшей паузы Баррэт внимательно изучал лицо Родса. Убитый был найден возле билетной кассы. Он был удушен. Ни один из аттракционов, разумеется, не работал. Но что-то подсказывало: Родс не лжет.

— А как вы это определили? — спросил Баррэт.

— Я подошел ближе, хотел спросить, но... колесо крутилось. Это было ужасно.

— Вы больше никого не видели?

Родс покачал головой, раздумывая, сказать ли о своей неудавшейся попытке вызвать по телефону полицию? Он решил, что его рассказ будет выглядеть слишком ненатурально

и может вызвать лишние подозрения. Он прекрасно понимал: стоит следователю почувствовать, что у него могли быть какие-то отклонения в психике, и все: они вцепятся в него мертвой хваткой. Жена и так хорошо постаралась. Не хватало ему только конец жизни провести за решеткой или в какой-нибудь психушке, что нисколько не лучше.

— Что вы вообще об этом думаете?

— Не знаю... Это походило на какую-то дьявольскую шутку.

— Почему вы сразу не сообщили обо всем в полицию?

— У меня не было уверенности.

— В чем?

— В том, что все было именно так.

— Но ведь у вас действительно пропала собака?

— Ну и что? Кого это может заинтересовать? Это остается лишь моим частным делом. А что касается того человека... это было похоже на бред. Я не был уверен, что меня поймут. У меня и сейчас нет этой уверенности. Представьте, как бы я выглядел, если бы все это оказалось розыгрышем?

— Пока вы можете быть свободны.

3

Когда девушка вышла из подъезда и пошла по тротуару в сторону метро, Хенесс, подумав немного, отправился вслед за ней. Это было почти безотчетное желание. Он сознавал, что поступает вопреки всякой логике, более того, делает ошибку, но это уже не останавливало его. Ему оставалось только успокаивать себя тем, что он, дескать, просто хочет узнать, где она живет. На метро они доехали до центра города. Сразу на выходе девушка остановилась у витрины книжного магазина. Хенессу вдруг показалось, что она поняла: за ней наблюдают. В этом не было бы ничего удивительного. По опыту Хенесс знал, что женщины более чутко, чем мужчи-